

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 873-885
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.873

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Teenage Suicides in the Orenburg Men's Gymnasium in the late 19th and early 20th centuries. The Phenomenon of Deviance among Children in the Perception of Society, Family and School

Elena V. Burlutskaya ^{a, *}, Ekaterina N. Abdrakhmanova ^a

^a Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Abstract

The article examines how Russian post-reform society, family and school conceptualized teenage suicides, the number of which began to increase rapidly at the turn of the 19th and 20th centuries. The phenomenon of such an extreme manifestation of children's deviant behavior is studied using data from Orenburg, a provincial center of a governorate, located away from the capital cities. As examples, the article examines the suicides of students at the Orenburg Men's Gymnasium, one of the best secondary schools in the region. The source base of the study is based on documents concentrated in the United State Archive of the Orenburg Region, as well as on materials from the Orenburg press.

Analysis of available sources allows us to state that society, families and schools of the post-reform era were baffled by youth suicides. Their motives were associated with the shortcomings of the existing school system, social vices, the crisis of family relationships, as well as with the individual psychological characteristics of children. The children and adolescents intentionally taking their own lives were seen as a disruption to the normal course of life, a sign of social instability and a threat to a predictable and sustainable future.

Microhistories of children recorded in suicide cases suggest that tragic situations were most often caused by a lack of parental attention to the problems of children or its complete absence. In addition, most adults (both parents and school administration) were absolutely convinced that a “normal” child is a malleable material from which a future full-fledged member of society can be easily “molded” with the help of lectures and disciplinary sanctions. Children were denied the natural experience of psychological crises and personal problems due to their perceived insignificance or unreality.

Keywords: children, teenagers, daily life, suicide, school, family, Orenburg Men's Gymnasium, turn of the 19th-20th centuries.

1. Введение

Проблема детских девиаций в последнее время продолжает оставаться одной из наиболее актуальных для исследователей тем, в том числе и для исследователей-историков. Для них обращение к различным вариантам социально неприемлемого поведения детей прошедших эпох, как правило, обусловлено попытками выяснить причины дурных поступков с позиций социальных условий и общего состояния социума того времени. Как отметил в своей работе Д.Ю. Пухов, актуальность изучения девиантного поведения детей и подростков в исторической ретроспективе объясняется укреплением статуса различных направлений исследований в рамках социальной истории, а также «сходными чертами постсоветской реальности и процессов пореформенной эпохи второй половины XIX – начала XX в.» (Пухов, 2022: 123). Кроме того, обращение к детскому поведению, выходящему за рамки так называемой «нормы», позволяет выявить характер и уровень притязаний взрослых в плане достижимых воспитательных целей и формирования прогнозируемого будущего.

* Corresponding author

E-mail addresses: ida777@yandex.ru (E.V. Burlutskaya), eknikol@ya.ru (E.N. Abdrakhmanova)

2. Материалы и методы

Попытка выяснить точные причины, которые вынуждали детей и подростков сводить счеты с жизнью, объективно обречена на неудачу. Невозможно со стопроцентной уверенностью определить мысли и чувства этих юных членов общества даже при наличии предсмертных записок, дневников и других документов, сопутствующих трагическим событиям. Поэтому в рамках данной статьи авторы попробуют лишь сравнить взгляды школы и городского обывательского сообщества на подобные происшествия. Авторов будет интересовать то, как воспринимали ребенка взрослые, какими методами и какие личностные качества предполагалось формировать у подрастающего поколения, что ожидали учителя и родители от детей, к какому будущему они старались их подготовить.

Источники, используемые при написании данной статьи, представлены как неопубликованными архивными материалами, так и сведениями, извлеченными из материалов региональной прессы конца XIX – начала XX в. В Объединенном государственном архиве Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация) сохранилась преимущественно официальная информация, зафиксированная школьной администрацией или полицейскими структурами при разбирательствах причин суицидов. В региональной прессе («Оренбургская газета», «Оренбургский листок») находила отражение позиция рядовых обывателей, рассматривающих случившиеся трагедии в рамках собственных, чаще всего шаблонных мировоззренческих установок.

Кроме того, были использованы материалы из формулярного списка преподавателя Оренбургской мужской гимназии Александра Онуфриевича Киселева (ОГАОО, фонд 82 – канцелярия директора Оренбургского реального училища), а также сведения, извлеченные из метрических книг оренбургских храмов (ОГАОО, фонд 173 – Оренбургская духовная консистория) и синагог (если речь шла о детях иудейского вероисповедания – ОГАОО, фонд 392 – Коллекция метрических книг инословных, иноверцев, старообрядцев Оренбургской губернии).

Помимо источников, непосредственно сообщавших о произошедших событиях, авторами привлекались к исследованию и другие материалы, позволяющие более широко взглянуть на проблему, ближе познакомиться с семьями погибших детей.

Статья представляет собой междисциплинарное исследование, построенное на основе истории повседневности, предполагающей анализ рефлексии субъектов по поводу своего взаимодействия с окружающей реальностью, и сочетающее в себе микроисторический и историко-антропологический подходы. В рамках решения исследовательских задач авторы обращаются к психологическим, культурологическим и прочим аспектам изучаемого явления.

Основным методом, используемым в работе, можно назвать «насыщенное» описание, нашедшее свое объяснение в исследованиях К. Гирца. Ключевыми категориями здесь выступают понятия «интерпретация», «понимание», «вчувствование» в контекст повествования, зафиксированного источником и зависящего от общей культуры социума, особенностей эпохи, намерений и целей автора (Гирц, 2004).

Кроме того, использовался кейс-метод (case-study), понимаемый как исследовательская стратегия, направленная на комплексный анализ такого социального феномена, как детские самоубийства, на примере отдельных случаев, описанных в источниках. Такой «микроподход» к масштабным явлениям, а также психологизация событий и ситуаций дают возможность осмыслить значение даже самых мелких деталей и осуществить более глубокий анализ проблемы.

3. Обсуждение

Научное сообщество, начиная уже со второй половины XIX – начала XX в., стало уделять серьезное внимание различным формам детско-подростковой девиантности, осознавая, что от степени изученности этой проблемы зависит будущее российского социума, степень его стабильности и благополучия. В досоветский период исследования преимущественно велись в рамках гуманистической научной традиции, отдающей приоритет социальным, социально-педагогическим обстоятельствам и психофизическим факторам отклоняющегося поведения детей (Хлопин, 1906; Хорошко, 1909; Дети..., 1912; Бехтерев, 2017 и др.).

В советской историографии сформировалась другая научная парадигма, объясняющая проблему недостатками царистской школьной системы и общим неблагополучием имперских социальных и экономических институтов. Так, например, в работе С.С. Остроумова преобладание среди осужденных неграмотных и лиц с низшим образованием объявлялось «прекрасной характеристикой обусловленности преступности царской России нетерпимыми социально-экономическими и политическими условиями, в которых находилось преобладающее большинство населения» (Остроумов, 1980: 45). Заметим, что ряд установок советской историографии был сохранен и современными исследователями. Так, например, в детских девиациях оказывались повинны «нужда, безработица, бедность и другие проблемы социально-экономического характера» (Синова, 2013: 121).

В постсоветский период появилась возможность переосмыслить оценки, данные имперскому прошлому страны советскими историками, а также обратиться к историческому опыту при решении уже современных проблем в детско-школьной (Егорова, 2008) и детско-родительской коммуникации

(Грицай, 2012). Исследования стали приобретать междисциплинарный характер, что позволило более глубоко и всесторонне изучить поставленный вопрос.

При этом под детскими девиациями современные исследователи могут понимать самый широкий спектр аморальных и противоправных действий (детскую преступность (Синова, 2013; Синова, 2019), детскую проституцию (Лебина, Шкаровский, 1994), попрошайничество, мелкое хулиганство (Абдрахманова, Бурлуцкая, 2024: 184-202) и пр., в том числе и самоубийства детей (Лярский, 2010; Синова, 2014; Лярский, 2017), как деяния, противоречащие стандартным социальным нормам. Однако на материалах Оренбурга рубежа XIX-XX вв. исследований детских суицидов не проводилось, что определяет научную новизну данной работы.

Целью предлагаемого научного труда является анализ феномена детских самоубийств на примерах девиаций обучающихся Оренбургской мужской гимназии, зафиксированных в конце XIX – начале XX в. в контексте пореформенной трансформации общественных настроений и ценностных установок.

4. Результаты

Попытки детей расстаться с жизнью и в предшествующие эпохи, и сегодня воспринимаются как нечто ужасное, противоестественное и максимально трагичное. Однако на рубеже XIX-XX вв. Россию захлестнула волна подобных происшествий, вызвав бурное обсуждение в среде врачей, педагогов, психологов и не менее бурную реакцию в сообществе простых обывателей.

Согласно данным статистики, приведенным в работе Г.В. Хлопина, в Оренбургском учебном округе, включающем в себя Оренбургскую, Пермскую и Уфимскую губернии, а также Уральскую и Тургайскую области (Хлопин, 1906: 9), за 1888–1904 гг. среди учащихся средних учебных заведений произошло 53 самоубийства, 18 покушений на самоубийство и 178 несчастных случаев, под которыми также могли скрываться суициды (Хлопин, 1906: 10). Происшествия случались исключительно в мужских учебных заведениях. Число ежегодных трагедий на протяжении указанного периода имело тенденцию к росту (Хлопин, 1906: 23). Своего максимума число самоубийств достигало среди обучающихся VI-VII классов гимназий и реальных училищ (Хлопин, 1906: 27), т.е. приходилось на возраст 15-17 лет. Согласно общепринятому мнению, именно тогда у мальчиков начинался переход от отрочества к юношеству, т.н. «трудный возраст», ослабляющий нервную систему и нарушающий «равновесие душевных и телесных сил».

Одним из наиболее ранних самоубийств, о котором общественность известила оренбургская пресса, произошло в субботу, 29 мая 1891 г., в первом часу ночи. В доме уездного врача Шапиро застрелился его брат, 19-летний гимназист VI класса Оренбургской мужской гимназии Николай (Ноих) Шапиро (Происшествия..., 1891). Информация об этом трагическом событии попала и в официальные документы, а именно в Книгу записей умерших евреев по г. Оренбургу за 1891 г. была внесена запись о гибели юноши (ОГАОО. Ф. 392. Оп. 1. Д. 13. Л. зоб.).

Газета «Оренбургский листок», вышедшая через четыре дня после трагедии, утверждала, что причиной трагедии послужило «разочарование». В предсмертном письме, оставленном Николаем, по словам журналиста, юноша извинялся «за причинение неприятностей семье брата» и объяснял, что главной причиной его поступка стало разочарование «в людях, в особенности тех, кого он считал ангелами». В записке якобы даже были перечислены фамилии этих мнимых ангелов. Николай благодарил брата и его жену за «родительские попечения» о нем» и заканчивал письмо «уверением, что «поступок его есть плод двухнедельного размышления». «Таким образом, – констатировала газета, – самоубийство юноши этого вовсе не связано с неудачными экзаменами по древним языкам, как толкуют об этом в городе» (Хроника..., 1891).

К сожалению, нам не удалось обнаружить в оренбургском архиве никакой информации об этом случае самоубийства. Поэтому выяснить позицию школьной администрации не представляется возможным. Однако даже из газетной заметки становится понятно, что причинами самоубийства, которые оренбургское городское сообщество изначально считало приоритетными, назывались школьные проблемы юноши. «Древние языки», к которым относились латынь и древнегреческий, с 1871 г. вновь стали изучаться в российских гимназиях. Николай Беккаревич, оставивший воспоминания о времени своего обучения в Оренбургской мужской гимназии, писал о преподавателях древних языков, что почти все они «были из немцев и чехов». Они одинаково сторонились и учащихся, и коллег, поскольку, во-первых, плохо знали русский язык, а, во-вторых, серьезно расходились с другими преподавателями во взглядах на воспитание. В итоге, как отмечал Беккаревич, они «были и сами так же мертвы и чужды нам, как и преподаваемые ими языки» (Беккаревич, 1903: 417).

Примерно то же самое констатировали и авторы книги «Преподавание древних языков в Императорской Николаевской Царскосельской гимназии». По их словам, в обучении этому предмету приоритет отдавался грамматике и вообще сухой теории в ущерб чтению и объяснению (пониманию) текстов. В результате «многие ученики в гимназиях того времени чувствовали себя весьма скверно и от всей души ненавидели и древние языки, и их преподавателей», а общество критиковало «строгий формальный, угнетающий и притупляющий детей умственно и нравственно, школьный строй» (Преподавание..., 2017). Родители, не понимающие значения и роли данного предмета в общей

системе классического образования и вынужденные наблюдать за своими детьми, страдающими над книгами, проникались идеями несовершенства школьной программы и оказывались антагонистами учителей и школы, обвиняя их во всех детских бедах.

По мнению В.М. Бехтерева, школа, «особенно средняя, с ее схоластическим характером обучения, с сухим формализмом и бездушностью требовательностью при полном исключении индивидуализирования в занятиях, как известно, вводит в статистику особую рубрику в причинах самоубийств, называемых “школьными”» (Бехтерев, 2017: 26). Школа оказывалась виновной даже в ситуациях, которые она практически никак не могла контролировать. Челябинский акцизный чиновник К.Н. Теплоухов в своих мемуарах сообщал, что в 1908 году, узнав о том, что он болен сифилисом, застрелился родной брат Василия Петровича Туркина (сына бывшего городского головы, помощника присяжного поверенного), ученик VI класса Троицкой гимназии. «Туркины перевезли гроб в Челябинск, устроили торжественные похороны ... На кладбище В. П. Туркин сказал пышную — либеральную — речь, начинавшуюся словами: “Перед нами еще одна жертва нынешней школы, нынешнего режима...” и т.д., в том же духе...» (Теплоухов, 2011: 99). В такой ситуации школа должна была реагировать зеркально, автоматически снимая с себя любые обвинения в давлении на детей и доведении их до трагедии.

Очередной громкий фатальный трагический случай произошел в Оренбурге в 1908 г. Самоубийство совершил гимназист Владимир Белавин. Юноша родился 8 сентября 1893 г. в семье преподавателя Оренбургской мужской гимназии, коллежского советника Константина Александровича Белавина и его супруги Елены Николаевны (ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 849. Л. 206.-3). Сам Константин Александрович Белавин происходил из семьи священника, что дает основание утверждать факт воспитания им детей в рамках религиозного мировоззрения, крайне негативно воспринимающего добровольный уход человека из жизни.

С 1884 до 1907 гг. К.А. Белавин, действительный статский советник, служил в Оренбургской мужской гимназии учителем истории и географии, сопрягая эту службу с аналогичной должностью в женской гимназии г. Оренбурга. В 1907 году он был назначен директором Ирбитской гимназии Пермской губернии.

Семья (жена и четверо детей: Константин (18.01.1890 г. рожд. (ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 835. Л. 570б.), Ольга (01.11.1892 г. рожд. (ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 835. Л. 750б.), Владимир (08.09.1893 г. рожд.), Елена), вероятно, какое-то время оставались в Оренбурге. Восприимчиками Константина, Ольги и Владимира были младший врач Оренбургской губернской больницы, надворный советник Константин Николаевич Архангельский и дочь священника Анна Александровна Белавина (очевидно, родная сестра Константина Александровича), что подтверждает сохранение тесных родственных связей в семье Белавиных и, как следствие, строгое следование нормам религиозной морали.

Однако в ноябре 1908 г. Владимир Белавин застрелился. В фонде Оренбургской мужской гимназии никаких документов об этом событии не отложилось. В нашем распоряжении имеется лишь объемная газетная публикация, посвященная этой трагедии (Киссоль-Загорянский, 1908).

Судя по содержанию статьи, причиной рокового выстрела стал конфликт Владимира с администрацией и учителями гимназии: « – Вспомните только его вопрос на крики г. Киселева – “Что же, по-вашему, я лгу?” И что же получил в ответ несчастный юноша “Да, ты лжешь!” – Безапелляционно заявляет педагог ... Что же оставалось делать В. Белавину, а в лице его и всей молодежи?.. Вы скажете: конечно, все, что угодно, но только не стреляться... Увы, вы этим лишь повторите почти слово в слово почти тот же ответ, который получила мать В. Белавина от одного из педагогов гимназии. – “Мы ставим двойки не одному вашему сыну и не стреляются же, однако!” Но разве же это ответ?» (Киссоль-Загорянский, 1908: 2).

Журналист таким образом упоминал и неудовлетворительные оценки, выставленные гимназисту, и какой-то межличностный конфликт между учеником и преподавателем, вызванный обвинениями юноши во лжи. Потомственный дворянин Александр Онуфриевич Киселев, о котором шла речь, с 1904 г. служил в Оренбургской мужской гимназии преподавателем математики. До того, как стать учителем в мужской гимназии Оренбурга, он успел поработать учителем математики и физики в мужских учебных заведениях Екатеринбург, Троицка и Красноярска, а также побыть в роли классного наставника учащихся. Киселев был женат вторым браком и являлся отцом шестерых детей: Георгия (1894 г.р.), Петра (1895 г.р.), Александра (1897 г.р.), Марии (1898 г.р.), Натальи (1899 г.р.) и Надежды (1900 г.р.) (ОГАОО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 183. Л. 106., 60б.-90б.). Таким образом, Владимир Белавин был почти ровесником старшего сына Киселева.

Судя по деятельности Александра Онуфриевича (он был инициатором открытия в Оренбурге высших курсов – своеобразного аналога вольного университета), человеком он был просвещенным. В 1906 г. он получил чин статского советника и был награжден орденом св. Станислава 3-й степени (Матвиевская, 2013: 115). Что именно могло подтолкнуть такого авторитетного педагога и родителя со стажем к столь эмоциональному общению с учеником, неизвестно. Но читателей должно было, в первую очередь, заинтересовать не это.

В целом публикация должна была подвести читателей к мысли о том, что поводом к трагедии могло стать какое угодно событие. Но нужно было искать не повод, а причину, которая крылась в

тотальном непонимании подростков родителями и учителями, а также в «холодном равнодушии» сверстников. По словам автора заметки, «о самоубийстве Белавина знал не только весь класс, но даже и некоторые преподаватели, и они молчали...» (Киссоль-Загорянский, 1908: 2). Нежелание говорить с детьми, слушать их, разделять их «детские» тревоги и заботы, по мнению журналиста, влекло за собой катастрофические последствия: «Мы заставляем ее [молодежь – авт.], доверчивую и подчас наивно откровенную, замыкаться в самой себе и жить как бы отдельной замкнутой жизнью. Но разве она готова к ней? Разве она может трезво, не преувеличивая факты, бороться с теми задачами, которые задает жизнь на каждом шагу?» (Киссоль-Загорянский, 1908: 2).

Автор приводил в качестве иллюстрации диалог из пьесы С.А. Найденова «Дети Ванюшина», написанной в 1901 г. и весьма популярной в начале XX в. Купец Александр Егорович Ванюшин, разговаривая с младшим 17-летним сыном-гимназистом Алексеем и пытаясь выяснить, почему в семье живут «все врозь», вопрошал: «...Откуда же вы такие?» Алексей же в ответ объяснял: «...Мы жили наверху, а вы внизу. [...] Вы знали, что мы чему-то учимся, что-то читаем, где-то бываем, но как мы воспринимаем, где бываем – вы этого не знали. [...] Вы рождали нас и отправляли наверх. [...] И вот мы выросли, ... и вы не узнаете нас...» (Найденов, 1902: 56-57).

Заботясь лишь о показной стороне домашнего очага, о внешнем его благополучии, родители забывали про внутренний мир своих детей. Задачи воспитания родители пытались возложить на школу. Школа, в свою очередь, позиционировала себя как заведение, прежде всего, образовательное. Педагоги даже не пытались вникнуть в индивидуальные особенности каждого ученика, воспринимая детей как безликую неоформленную массу, которую нужно приучить к дисциплине и порядку.

В фельетоне «Реформа неформенной формы (Разнокачественные сны)», размещенном в «Оренбургской газете», автор, скрывающийся под псевдонимом «Изгнанник», утверждал, что важным для школьной администрации (начальницы женской гимназии) казалось только одно: «Чтобы все ученицы походили одна на другую –

Как овцы...

Чтобы все были одинаковой внешности –

Как –

Стриженные под гребенку.

Как аракеевские военные поселения» (Изгнанник, 1913).

В итоге В. Киссоль-Загорянский призывает читателей не считать современную им молодежь виновницей общего упадка социального порядка, а «посмотреть, что сделано нами самими для той молодежи, к которой мы всегда готовы предъявить и предъявляем те требования, которые подчас немислимы и для взрослого...» (Киссоль-Загорянский, 1908: 2). Если в случае Николая Шапиро в трагедии, скорее всего, была виновата школа, то в гибели Владимира Белавина вину со школой должно было разделить все общество.

В 1910 г. «Оренбургская газета» сообщила об очередном подростковом суициде. В воскресенье, 17 января, в квартире лесничего Ильи Никифоровича Завалишина, живущего на Оренбургском кордоне, в 7 верстах от Оренбурга, разыгралась драма: родной младший брат Завалишина, ученик IV класса Оренбургской мужской гимназии, 14-летний Федор Завалишин, выстрелом из револьвера покончил с собой (Местная хроника, 1910).

Федор родился 16 февраля 1896 г. в станице Городищенской Оренбургского уезда в семье казака. В Оренбурге мальчик, будучи круглым сиротой, проживал в пансионе гимназии (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 166. Л. 11). В 1906 г. именно его брат, И.Н. Завалишин, обратился с прошением к директору Оренбургской мужской гимназии о допущении Федора к приемным экзаменам в 1 класс (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 166. Л. 13). Опекун Федора, казак Городищенской станицы Иван Петрович Голев, тогда же просил о назначении Федору, как полному сироте, стипендии «имени есаула Конева» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 166. Л. 14), которая, вероятно, позволяла обучаться за казенный счет.

Веских причин для того, чтобы мальчик мог расстаться с жизнью, не видели ни школа, ни общество, поскольку Завалишин «прекрасно учился и по поведению был безукоризнен. Правда, на покойного очень сильно повлияла смерть его брата, гимназиста пятого класса, застрелившегося в прошлом году», – писали оренбургские газеты (Местная хроника, 1910). Действительно, в фондах ОГАОО была обнаружена информация о том, что 12 апреля 1909 г. (в субботу) покончил с собой «воспитанник V класса Оренбургской мужской гимназии, казак Михаил Никифоров Завалишин, 16 лет». Причиной смерти указывалось самоубийство «в припадке психического расстройства» (ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 1790. Л. 490б-50).

Федор очень переживал из-за смерти брата и «первое время все время плакал». Однако со временем мальчик вроде бы пришел в себя, продолжил учение и более ничем не тревожил окружающих. Некоторой разгадкой трагической смерти покойного, по мнению журналистов, могло послужить заявление товарища Федора, «гимназиста С.», который сообщил, что незадолго до своей смерти Ф. Завалишин как-то разговорился с ним и заявил, что даже «если он кончит гимназию, университет, – все равно он застрелится, так как он разочаровался в жизни ...» (Местная хроника, 1910).

Таким образом, в ассортименте предполагаемых причин подростковых самоубийств у журналистов появилось новое объяснение – «разочарование в жизни». Директор гимназии сообщал в

показаниях: документы об успеваемости Завалишина и его предсмертная записка доказывают, что «нет никаких причин в строе гимназической жизни, которые бы могли привести Федора Завалишина к столь печальному роковому концу» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 166. Л. 9). Учился мальчик на 4 и 5, поведения был прекрасного, «был мальчик скромный, тихий, прилежный, старательный; это была добрая, открытая, любящая душа; никогда ни с кем у него не выходило никаких недоразумений. ... Никаких замечаний ему делать не приходилось» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 166. Л. 9). А главная причина трагедии, по мнению директора, заключалась в том, что «Завалишины принадлежат к роду больному, вырождающемуся». Такой вывод подтверждался и показаниями ученика IV класса Семенюка [вероятно, того самого «гимназиста С.» – авт.], близкого товарища Федора Завалишина. Федор, по его словам, якобы «любил беседовать на тему о смерти “Смерти я не боюсь, – говорил Завалишин, – а жизнь мне не интересна”» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 166. Л. 90б.).

Итак, семейство, в котором произошло второе подростковое самоубийство подряд, с позиций школьного начальства автоматически переходило в разряд «вырождающегося», поскольку обе трагедии объяснялись «психическими расстройствами» мальчиков. Никто даже не пытался выяснить обстоятельства и условия жизни семейства. Дети либо соответствовали установленным нормам, либо объявлялись «больными». Никаких исключений школа не для кого делать не собиралась.

Дело Федора Завалишина даже попало на страницы монографии А.Б. Лярского (Лярский, 2017: 125). По мнению исследователя, психическое заболевание, душевная болезнь, «ненормальность», умопомешательство в качестве основной причины самоубийства устраивало абсолютно всех (Лярский, 2017: 103-131). Такой диагноз позволял учебному заведению (или родственникам) отвести от себя любые обвинения в доведении ребенка до самоубийства. Родственникам самоубийц, если самоубийство было совершено в «безумии, сумасшествии и беспамятстве», разрешалось организовать их похороны по православному обряду (Лярский, 2017: 118). Полиция избавлялась в этом случае от необходимости проводить детальное и сложное расследование.

С «нормальным» ребенком, по мнению школьного начальства и большинства родителей, никогда и ни при каких обстоятельствах ничего страшного случиться просто не могло. Главным положительным качеством «нормального» ребенка было его удобство для взрослых, способность не доставлять хлопот, послушание. Любой же, кто создавал проблемы, был явно больным. Психологические особенности, детская индивидуальность, внутренний мир ребенка – это все было несущественно и неважно при выстраивании и объяснении детского поведения.

В то же время авторы рубежа XIX-XX вв. отмечали уже очевидные различия между поколением отцов и детей. Так, врач В.Н. Жук писал: «...уклонения от спокойной моральной жизни беременной матери таинственным путем создают то болезненное нервное предрасположение детей интеллигентных родителей, о котором теперь пишут и говорят везде» (Жук, 1906: 413). Рассуждения А.И. Тарнавского, в начале XX в. ставшего директором народных училищ Оренбургской губернии, приводили его к мыслям о причинах того, что «молодежь, учившаяся в последние два десятилетия, выросла какою-то хилою, нервной, надорванной» (Тарнавский, 1892: 2). Главную проблему Тарнавский видел в нервности родителей. Дети 1860-х гг. уже имели родителей, страдающих нервными расстройствами «либо от тех экономических потрясений (у дворян-помещиков), которые были вызваны освобождением крестьян, либо от нравственных причин, которые были порождены разнообразными учениями 60-х годов и их применением к жизни». В последующие десятилетия «начавшаяся распатанность нервной системы нашего общества увеличилась войной 1877–1878 года и последовавшими затем глубоко печальными и позорными событиями» (Тарнавский, 1892: 2).

Тарнавскому вторил В.М. Бехтерев, объясняющий в 1912 г. распространение общей возбужденности населения, неврастения и истерии тем, что «наше поколение есть продукт конца 70-х годов, с которым совпадает для России период военного времени, и начала 80-х годов – периода политических тревог и опасений» (Бехтерев, 2017: 32). Таким образом, к рубежу XIX-XX вв. ни «нормальных» родителей, ни «нормальных» детей уже невозможно было обнаружить ни в столицах, ни в провинции. Надо полагать, что социальные конфликты 1900-х гг. лишь усугубили существующие проблемы.

В итоге, судя по росту числа подростковых самоубийств, традиционный образ ребенка – светлого, легкого юного человека, полного сил и желаний – на рубеже XIX-XX вв. стал все больше расходиться с действительностью. Невозможность быстрых позитивных изменений ни в общих социально-экономических условиях жизни значительной массы населения, ни в школьной системе, ни во внутрисемейных отношениях приводили передовую общественность к мысли о том, что основным способом предотвращения самоубийств (в том числе детских) должно стать воспитание, заключающееся «в создании характеров, в развитии самодеятельности, в приучении к планомерному труду и переносливости различного рода испытаний, в развитии чувства долга и необходимости помощи другим во всех вообще случаях» (Бехтерев, 2017: 39). Призывы к преодолению изнеженности молодежи, к ее воспитанию в духе дисциплинированности, привычки к труду, стойкой готовности к жизненным неурядицам (Веремченко, 2022; Бурлуцкая, 2023) становились все настойчивее. Общество видело в детских суицидах не только трагедию семьи, кризис школьной системы, но, прежде всего, угрозу собственному существованию и благополучному развитию.

Наиболее подробно в архивных материалах были описаны обстоятельства самоубийства ученика VII класса Оренбургской мужской гимназии, 16-летнего Лазаря Альшенецкого, который покончил с собой выстрелом из револьвера в доме Леск по Инженерной ул., в квартире зубного врача Рубинштейна, в 1-й части города 2 апреля 1911 г. (в воскресенье) приблизительно в 22:30 (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 5, 6).

Мы обратили внимание на тот факт, что практически все упомянутые нами трагедии происходили либо в субботу, либо в воскресенье, т.е. или сразу после окончания учебной недели, или непосредственно перед ее началом. Можно предположить, что слишком сложная учебная неделя или ожидание очередного недельного периода школьной муштры вполне могли стать дополнительным раздражителем для ребенка, находящегося в состоянии сильнейшего нервного напряжения, и подвести его к мысли о суициде как к меньшему из возможных зол.

Лазарь родился 22 мая 1895 г. в Илеке (Илецкой станице) в семье фармацевта Льва Иосифовича Альшенецкого и его жены Татьяны Антоновны (Таубе Натановны), урожденной Леск. Запись в Книге записи родившихся, бракосочетавшихся, разведшихся и умерших евреев по городу Оренбургу была сделана на основании свидетельства атамана Илецкой станицы (ОГАОО. Ф. 392. Оп. 1. Д. 18. Л. 9). На момент трагедии отец и мать Лазаря уже развелись, мать вступила во второй брак с мещанином г. Шклова Могилевской губ., дантистом Залманом Еселевичем (Соломоном Иосифовичем) Рубинштейном. Их бракосочетание состоялось в Оренбурге 17 января 1899 г. Рубинштейну, для которого брак был первым, было 30 лет, Альшенецкой – 28 (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 19). Лазарю на тот момент было 3,5 года. Рубинштейн признал его своим пасынком.

В 1903 г. З.Е. Рубинштейн определил Лазаря в Оренбургскую мужскую гимназию с полной оплатой обучения. Заработок Рубинштейна, составлявший от пяти до шестисот рублей в месяц, вполне позволял это осуществить. В прошении на имя директора гимназии Рубинштейн писал, что его пасынок Лазарь готовился к поступлению в «приготовительный» класс, а до этого обучался в школе А.М. Жоровович. Предполагалось, что жить Лазарь будет в доме Леск на Инженерной ул. (совр. ул. Володарского, дом не сохранился). Дом состоял из шести комнат, двух передних и кухни. Семью обслуживало три человека из прислуги (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 14-16).

К тому времени у супругов Рубинштейн родились общие дочери Фанни (24.07.1899 (ОГАОО. Ф. 392. Оп. 1. Д. 27. Л. 50б.) и Рахиль (24.05.1901 (ОГАОО. Ф. 392. Оп. 1. Д. 31. Л. 3)). Учитывая, что первая дочь родилась всего через 6 мес. после бракосочетания, свадьба явно случилась «по необходимости».

Помимо семейства Рубинштейн и старшего сына, Лазаря Альшенецкого, в доме также проживали родители Таубе – Натан Иоселевич (Антон Осипович) и Евгения Лазаревна Леск. Н.И. Леск был владельцем одного из самых крупных магазинов Оренбурга, своеобразного универмага, расположенного в Гостином дворе. То есть семья была весьма обеспеченной и входила в круг т.н. «городской верхушки».

В 1908-1909 гг. учеником V класса Лазарь был поселен отдельно от семьи, на квартире помощника начальника Оренбургской почтово-телеграфной конторы, коллежского советника Губанова. По словам Губанова, мать Лазаря объясняла принятое решение семейными обстоятельствами. Однако отношения между домочадцами, по-видимому, оставались неплохими, поскольку мальчик все праздники проводил дома, а мать и сестры часто его навещали. На отдельной квартире гимназист прожил с августа до марта, а затем из-за начавшихся проблем с обучением вынужден был вернуться домой, чтобы готовиться к переводным экзаменам с репетитором. Как сообщал Губанов, Лазарь был мальчик «вежливый, корректный, но в то же время скрытный, так что ясное понятие о его характере составить трудно» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 30б.).

То ли шести комнат дома перестало хватать для семейства Лесков-Рубинштейнов, то ли у Залмана Еселевича стремительно расширилась зубоврачебная практика, и потребовались дополнительные кабинеты для больных, доподлинно неизвестно. Но попытка отселить на квартиру 13-летнего мальчика кажется нам не слишком хорошей идеей даже при условии регулярного посещения его матерью и сестрами. Естественным результатом стало снижение успеваемости гимназиста и его возвращение домой. Дома Лазарю была выделена отдельная комната, правда, «маленькая и тесная» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 70б.).

Семейный конфликт в качестве основного повода к самоубийству Альшенецкого рассматривал и директор оренбургской гимназии Николай Афиногенович Сеницын. Согласно «циркулирующим слухам, у покойного за несколько минут перед самоубийством был какой-то крупный разговор со своей матерью во время ужина. Это может быть и повлекло за собою столь печальную развязку Лазаря Альшенецкого с жизнью», – утверждал Сеницын (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 40б.). Таким образом школа пыталась снять с себя любые обвинения в доведении юноши до трагической кончины.

В то же время семья и близкие к ней люди сообщали в своих показаниях совершенно об обратном. Прислуга, крестьянка Оренбургского уезда, Никольской волости, с. Гнездовка Ксения Петровна Константинова сообщала, что «при жизни гимназист Альшенецкий Лазарь поведения был хорошего», был «постоянно веселый», и нетрезвым она его никогда не видела. За семь месяцев своей службы в доме она ни разу не слышала каких-либо крупных ссор между домочадцами. Вечером

накануне самоубийства Альшенецкий прогуливался по Николаевской улице, но в 9 часов уже был дома и ужинал вместе со своей матерью (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 5).

Проживающий в доме Леск, в квартире Рубинштейна его ассистент, зубной техник, мещанин г. Каменец-Подольска Гдаль Мордкович Руд сообщал, что за те три месяца, пока он жил в доме Леск, он ни разу не видел Лазаря грустным (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 5об.). Дантист Лейб Беркович Рудзицкий, также проживающий в доме Леск, в квартире Рубинштейна рассказал, что в те четыре месяца, пока он проживал в данной квартире, Лазарь, как правило, находился «в веселом настроении духа» и никогда не высказывал какого-либо недовольства. Однако было заметно, что запрещение со стороны администрации гимназии посещать юноше танцевальные вечера, «которые при жизни он любил», все же «на него подействовало» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 5об.).

Отчим Лазаря, Соломон Рубинштейн, пытался быть максимально корректным в отношении школьной администрации, сообщая, что «при жизни ничего такого, что бы могло подействовать на Лазаря к лишению жизни, не было, да и не замечал, чтобы Лазарь когда-либо был сильно взволнован». Рубинштейн не придавал замечаниям со стороны администрации гимназии или запрету пасынку посещать танцевальные вечера решающего значения в трагедии, не решался их «ставить в прямую вину администрации поводом к самоубийству», однако все же констатировал, что «Лазарь со времени замечания имел какую-то перемену в расположении духа» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 6).

Мать Лазаря, Таубэ Натановна Рубинштейн, была более подробна в своих показаниях. Она утверждала, что первые годы обучения давались Лазарю легко, чего нельзя сказать о последнем классе. По ее словам, перед Рождеством администрация гимназии даже намеревалась исключить юношу из учебного заведения. На это Лазарь заявил: «если его исключат из гимназии, то он не перенесет, пустит пулю в лоб». В последнее же время мальчик «имел низкие баллы по учению и поведению, заметно было, что сын был расстроен...» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 6об.).

Дед застрелившегося, оренбургский купец 2-й гильдии Натан Иоселевич Леск и его жена Евгения Лазаревна сообщали, что раньше внук обычно пребывал в хорошем настроении, учился хорошо. Однако в последний год стал учиться «слабо». Кроме того, за грубое нарушение дисциплины ему с Рождества было запрещено «посещать танцевальные вечера, после чего заметно было, что был рассеянным, и, по-видимому, это его и заставило лишиться жизнь самоубийством». Бабушка добавила, «что она замечала за внуком тревожное настроение духа и в день самоубийства, тем более даже мало кушал» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 6). Таким образом, именно старшие родственники или в силу своего возраста и жизненного опыта, или из-за более тесной связи с внуком стали более явственно замечать изменения в его настроении и поведении, происходившие в течение нескольких последних месяцев. Для них запрет на посещение танцевальных вечеров был вполне реальным поводом к тому, чтобы ребенок-подросток мог свести счеты с жизнью.

Револьвер системы «Смит и Вессон», из которого застрелился Лазарь, принадлежал именно его деду. По словам Натана Иоселевича, оружие хранилось у него в письменном столе под замком без пуль. Когда и как револьвер мог попасть в руки внука, он не знал (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 6). То есть если Лазарь каким-то образом выкрал этот пистолет, вскрыв замок, и даже где-то раздобыл патроны к нему, то значит идея самоубийства возникла у него достаточно давно, и выстрел явно не был внезапным решением.

Школьная администрация и учителя при этом стояли на своем, полностью исключая взаимосвязь между принятыми ими решениями и трагическим происшествием. Директор гимназии Н.А. Синицын утверждал, что Лазарь Альшенецкий «был человек не без способностей, но к делу относился не с должным усердием» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 6об.). Например, по понедельникам практически постоянно пропускал первый урок по немецкому языку, что в итоге привело к двойке по этому предмету за вторую четверть. Неудовлетворительная четвертная оценка была выставлена и по алгебре.

Имелись и случаи нарушения Лазарем школьной дисциплины: перед Рождественскими каникулами на ученическом вечере в Общественном собрании юноша позволил себе выпить пива, «что и было замечено помощниками классных наставников. Правда, Альшенецкий утверждал, что он пил не пиво, а только из пивной бутылки лимонад». Этот поступок подробно обсуждался на заседании педагогического совета, и за первую четверть Альшенецкому была снижена оценка по поведению. «Ученик был лишен права посещать танцевальные вечера, получил выговор перед учениками своего класса и, кроме того, ему было объявлено, что если он позволит себе еще какое-нибудь крупное нарушение гимназических правил, то будет удален из гимназии» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 6об.-7).

Однако, по мнению директора, это никак не сказалось на общем состоянии юноши: «К выговору Альшенецкий отнесся хладнокровно, всегда был в гимназии в нормальном настроении и даже 13 марта 1911 года по собственному желанию принимал участие в очередном литературно-музыкальном вечере в гимназии, когда вместе с учениками Путоловым, Гурвичем и Стебельским участвовал в квартете». Поскольку больше за Альшенецким ничего предосудительного замечено не было, за вторую четверть по поведению он получил «полный балл». В итоге, как утверждал директор

гимназии, не было никаких «поводов и причин к самоубийству Альшенецкого в условиях его гимназической жизни. Поведение его исправилось, если же и были неудовлетворительные отметки по успехам, то все же они не свидетельствуют о безвыходном тяжелом положении ученика» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 7).

Директору гимназии вторил В. Реформатский, классный наставник VII класса, в котором учился Альшенецкий. По его мнению, «не замечалось никаких данных, на основании которых можно было бы предположить о трагическом конце. Покойный ученик Альшенецкий наоборот несколько поражал меня своим хладнокровием и слишком малою чувствительностью, с которой он реагировал на все события в гимназической жизни, касавшиеся даже его лично» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 7). Далее классный наставник утверждал, что неудовлетворительная отметка, «довольно обычная, по глубокому убеждению моему, нисколько не могла влиять на несчастный исход, так как покойный был к ним довольно равнодушен, о чем однажды и заявил мне, как преподавателю на уроке» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 7-7об.).

Можно ли было всерьез считать, что 16-летний юноша равнодушно относится к получаемым отметкам и замечаниям? Современная педагогика полагает, что демонстрируемое подростками «хладнокровие» и «равнодушие» являются скорее напускными, своеобразной защитной реакцией на внешние раздражители. Поэтому рассчитывать на реальное философское отношение гимназиста к школьным проблемам классному наставнику явно не следовало. Мальчик пытался демонстрировать школьному начальству безразличие, скорее всего пытаясь показать свою взрослость. Но тем самым он, вероятно, мог еще больше раздражать учителей и директора, увеличивавших в ответ свое административное давление.

Врач гимназии А. Новицкий, кстати, сообщал, что Альшенецкий в 1911 г. несколько раз обращался к нему за медицинской помощью по поводу «поясничной боли», связанной с поднятием тяжестей и «боли в мышцах грудной клетки и верхних конечностей (мышечный ревматизм)», что также могло быть вызвано тяжелым физическим трудом. В плане психического состояния, по мнению врача, «Альшенецкий производил впечатление вполне здорового в этом отношении молодого человека, но развитого, пожалуй, не по летам, по сравнению с его товарищами» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 13-13об.).

То есть юноша и выглядел старше своих лет, и психологический возраст его явно превышал физический, и вел он себя как взрослый (его проблемы со здоровьем вполне могли быть вызваны какой-то тяжелой домашней работой). Таким образом, обстоятельства домашней жизни вступали в сильнейший конфликт с условиями жизни гимназической, в которой от учеников требовали совершенно детского послушания. Общие и обязательные для всех гимназические правила возводились школьной администрацией в разряд догмы, без каких-либо исключений, а отметки по предметам и поведению использовались как единственный способ воздействия на обучающихся. Как и в случае с Белавиным, гимназическое начальство на все возникающие вопросы отвечало одно: «Мы ставим двойки не одному вашему сыну и не стреляются же, однако!». Детские самоубийства воспринимались как трагические случайности, никак не связанные с общим ходом школьной жизни, а вызванные, скорее, психологическим нездоровьем ребенка или проблемами в семье.

Запрет на посещение танцевальных вечеров мог стать дополнительным триггером, заставившим Альшенецкого совершить роковой выстрел. Популярность танцев в то время сложно переоценить. Даже воспитанники Киргизской учительской школы в октябре 1907 г. потребовали от руководства учебного заведения устройства в течение года одного бала (Местная хроника, 1907а)! А в ноябре того же года учащиеся даже разделились на «партии» по вопросу о том, быть ли на Святках в школе танцевальному вечеру или лучше на выделенные школой деньги сходить в театр. «Танцоры», прозубрив правила воспитания человека, отделились в особую кучку и начали, в предвкушении танцевального вечера, выделять мирные «па»; «театралы», проходя мимо, толкали их локтями и вообще мешали ... хореографии». В итоге началась драка, в ход пошли «ножи, скамьи, полетели стекла, лампы» (Местная хроника, 1907b).

Таким образом, в случае с Лазарем Альшенецким истоки трагедии большинство вовлеченных в нее взрослых склонно было видеть в личных проблемах юноши, его нереализованных желаниях или в семейных проблемах, но никак ни в ролевом конфликте взрослеющего отрока и не желающей принимать это взросление школы.

5. Заключение

Анализ изложенных в работе случаев позволяет констатировать, что в трагедии детских самоубийств, вопреки выводам, сделанным в советской историографии, не всегда были виноваты социально-экономические проблемы. Практически все упомянутые персонажи были детьми вполне обеспеченных родителей, которые отнюдь не вели «тяжелую борьбу за существование». По мнению авторов статьи, истоки роковых решений все же следует искать в ценностном кризисе российского социума, вызванном коренной пореформенной трансформацией практически всех общественных институтов. И родители, и школа почти одновременно засомневались в правильности своих прежних действий в отношении детей, не выбрав для себя никакой новой поведенческой стратегии. И семья,

и система образования метались между общественным и личным благом, между свободой и долгом, между безусловной любовью к ребенку и стремлением приучить его к будущим жизненным трудностям.

Требование от детей ответственности, воспитанности, усердия и прилежания в учении (т.е. взрослости и осознанности) должно было приучить их к самостоятельности и освободить родителей и педагогов от лишних забот. В то же время способы взаимодействия с детьми (наказания, угрозы, запрет на собственный выбор) должны были сформировать в ребенке абсолютное послушание, характерное для незрелой и инфантильной личности. Возникающие в результате такой педагогической неопределенности двойные стандарты и «двойные послания» приводили к тому, что любое проявление индивидуальности ребенка оказывалось неприемлемым и вызывало у него ощущение безысходности и хронической тревожности, которое в итоге могло привести подростка к мысли о самоубийстве.

Литература

Абдрахманова, Бурлуцкая, 2024 – Абдрахманова Е.Н., Бурлуцкая Е.В. Ребенок на рубеже столетий. Детская повседневность в Оренбурге второй половины XIX – начала XX в. Оренбург, 2024. 496 с.

Беккаревич, 1903 – Беккаревич Н.Д. Оренбургская гимназия старого времени // *Русская старина*. 1903. Т. СХVI. Вып. 11. С. 401-417.

Бехтерев, 2017 – Бехтерев В.М. О причинах самоубийства и возможной борьбе с ним // Попов Ю. В., Пичиков А. А. Суицидальное поведение у подростков. СПб., 2017. С. 9-43.

Бурлуцкая, 2023 – Бурлуцкая Е.В. Воспитание через «равновесие духа и тела». Физическое развитие детей в пореформенном Оренбурге сквозь призму региональной прессы на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник архивиста*. 2023. № 2. С. 628-639.

Веремченко, 2022 – Веремченко В.А. «В здоровом теле - здоровый ум»: физическое воспитание и спорт в столичной дворянско-интеллигентской среде России во второй половине XIX - начале XX в. // *История повседневности*. 2022. № 3 (23). С. 82-102.

Гириц, 2004 – Гириц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М., 2004. 560 с. (Серия «Культурология. XX век»).

Грицай, 2012 – Грицай Л.А. Трансформация ценностных основ семейной жизни в России конца XIX - начала XX в. как предпосылка революционных событий 1917-1918 гг. // *История и современность*. 2012. № 1 (15). С. 180-191.

Дети..., 1912 – Дети - преступники. Сборник статей с 15 фотографиями и с приложением библиографических указателей / с предисл. и под ред. М.Н. Гернета. М., 1912. 617 с.

Егорова, 2008 – Егорова М.В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX века. М., 2008. 216 с.

Жук, 1906 – Жук В.Н. Мать и дитя: Гигиена в общедоступном изложении. СПб., 1906. 1166 с.

Изгнанник, 1913 – Изгнанник. Реформа неформенной формы (Разнокачественные сны) // *Оренбургская газета*. 1913. № 187. 25 августа. С. 3.

Киссоль-Загорянский, 1908 – Киссоль-Загорянский В. Семья и школа // *Оренбургская газета*. 1908. № 254. 20 ноября. С. 2-3.

Лебина, Шкаровский, 1994 – Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге: 40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в. М., 1994. 221 с.

Лярский, 2017 – Лярский А.Б. «Простите, дорогие папа и мама»: родители, дети и борьба с подростковыми самоубийствами в России конца XIX – начала XX века. СПб., 2017. 600 с.

Лярский, 2010 – Лярский А.Б. Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2010. 383 с.

Матвиевская, 2013 – Матвиевская Г.П. Оренбургский вольный университет начала XX века // *История математического образования в России XVIII–XX вв.: Сборник научных статей и очерков Оренбург*, 2013. С. 114-121.

Местная хроника, 1907a – Местная хроника // *Учительский вестник*. 1907. № 2 – ноябрь. С. 32.

Местная хроника, 1907b – Местная хроника // *Учительский вестник*. 1907. № 3 – декабрь. С. 31.

Местная хроника, 1910 – Местная хроника. Самоубийство гимназиста // *Оренбургская газета*. 1910. № 14. 19 января. С. 2.

Найденев, 1902 – Найденев С.А. Дети Ванюшина; Драма в четырех действиях. М., 1902. 76 с.

ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО).

Остроумов, 1980 – Остроумов С.С. Преступность и её причины в дореволюционной России. М., 1980. 204 с.

Преподавание..., 2017 – Преподавание древних языков в Императорской Николаевской Царскосельской гимназии / под ред. Т.Ю. Бровкиной [Электронный ресурс] URL: <https://www.litres.ru/book/raznoe-4340152/prepodavanie-drevnih-yazykov-v-imperatorskoj-nikolaevskoy-c-22202117/chitat-onlayn/> (дата обращения 12.03.2024).

Происшествия..., 1891 – Происшествия (из дневника полиции) // *Листок объявлений. Приложение к газете «Оренбургский листок»*. 1891. № 46. 1 июня. С. 1.

Пухов, 2022 – Пухов Д.Ю. Девиантное поведение несовершеннолетних в России второй половины XIX - начала XX века в освещении постсоветской историографии // *Вестник Пермского университета*. Серия История. 2022. № 2 (57). С. 123-132.

Синова, 2013 – Синова И.В. Гендерный анализ девиантного поведения подростков на рубеже XIX–XX веков // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: История. 2013. Вып. 3. С. 116-125.

Синова, 2014 – Синова И.В. Современный взгляд на детские суициды в Российской империи второй половины XIX начала XX веков // *Суицидология*. 2014. №1 (14). С. 63-71.

Синова, 2019 – Синова И.В. Правовое положение, труд и повседневная жизнь детей во второй половине XIX – начале XX века. М., 2019. 280 с.

Тарнавский, 1892 – Тарнавский А. Из-за оренбургских детей (письмо к редактору). Письмо второе // *Оренбургский листок*. 1892. № 41. 4 октября. С. 2-3.

Теплоухов, 2011 – Теплоухов К.Н. Семья и время перемен. Век XIX–XX. М., 2011. Мемуары: 1899–1934. 720 с. С. 99.

Хлопин, 1906 – Хлопин Г.В. Самоубийства, покушения на самоубийства и несчастные случаи среди учащихся русских учебных заведений. СПб., 1906. 95 с.

Хорошко, 1909 – Хорошко В.К. Самоубийство детей. М., 1909. 115 с.

Хроника..., 1891 – Хроника. Самоубийство гимназиста // *Оренбургский листок*. 1891. № 23. 2 июня. С. 2.

References

Abdrahmanova, Burlutskaya, 2024 – *Abdrahmanova, E.N., Burlutskaya, E.V.* (2024) Rebenok na rubezhe stoletij. Detskaya povsednevnost' v Orenburge vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [A child at the turn of the century. Children's daily life in Orenburg in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Orenburg. [in Russian]

Bekhterev, 2017 – *Bekhterev, V.M.* (2017). O prichinah samoubijstva i vozmozhnoj bor'be s nim [About the causes of suicide and the possible fight against it]. Popov Yu.V., Pichikov A.A. Suicidal'noe povedenie u podrostkov. St. Petersburg, pp. 9-43. [in Russian]

Bekkarevich, 1903 – *Bekkarevich, N.D.* (1903). Orenburgskaya gimnaziya starogo vremeni [Orenburg gymnasium of the old time]. *Russkaya starina*. Vol. CXVI. Iss. 11, pp. 401-417. [in Russian]

Burlutskaya, 2023 – *Burlutskaya, E.V.* (2023). Vospitanie cherez «ravnovesie duha i tela». Fizicheskoe razvitiye detej v poreformennom Orenburge skvoz' prizmu regional'noj pressy na rubezhe XIX–XX vv. [Education through "balance of mind and body". Physical development of children in post-reform Orenburg through the prism of the regional press at the turn of the 19th–20th centuries]. *Vestnik arhivista*. 2: 628-639. [in Russian]

Deti..., 1912 – *Deti – prestupniki: sbornik statej* [Child – criminals: collection of articles] (1912). Ed. M.N. Gernet. Moscow. [in Russian]

Egorova, 2008 – *Egorova, M.V.* (2008). Povsednevnyaya zhizn' uchashchihsya i uchitelej Urala v XIX – nachale XX veka [The daily life of students and teachers of the Urals in the 19th – early 20th centuries]. Moscow. [in Russian]

Girc, 2004 – *Girc, K.* (2004). Interpretaciya kul'tur [Interpretation of cultures]. Moscow. [in Russian]

Gricaj, 2012 – *Gricaj, L.A.* (2012) Transformaciya cennostnyh osnov semejnoy zhizni v Rossii kontsa XIX - nachala XX v. kak predposylka revolyucionnyh sobytij 1917-1918 gg. [Transformation of the value foundations of family life in Russia at the end of the XIX - beginning of the XX century. as a prerequisite for the revolutionary events of 1917-1918]. *Istoriya i sovremennost'*. 1(15): 180-191. [in Russian]

Hlopin, 1906 – *Hlopin, G.V.* (1906). Samoubijstva, pokusheniya na samoubijstva i neschastnye sluchai sredi uchashchihsya russkih uchebnyh zavedenij [Suicides, attempted suicides and accidents among schoolchild of Russian educational institutions]. St. Petersburg. [in Russian]

Horoshko, 1909 – *Horoshko, V.K.* (1909). Samoubijstvo detej [Suicide of children]. Moscow. [in Russian]

Hronika..., 1891 – *Hronika. Samoubijstvo gimnazista* [The chronicle. Suicide of a high school student]. *Orenburgskij listok*. 23: 2. [in Russian]

Izgnannik, 1913 – *Izgnannik. Reforma neformennoj formy (Raznokachestvennyye sny)* [Reform of the nonformal form (Mixed-quality dreams)]. *Orenburgskaya gazeta*. 1913. Nr. 187, p. 3. [in Russian]

Kissol'-Zagoryanskij, 1908 – *Kissol'-Zagoryanskij, V.* (1908). Sem'ya i shkola [Family and school]. *Orenburgskaya gazeta*. 254: 2-3. [in Russian]

Lebina, Shkarovskij, 1994 – *Lebina, N.B., Shkarovskij, M.V.* (1994). Prostituciya v Peterburge: 40-e gg. XIX v. – 40-e gg. XX v. [Prostitution in St. Petersburg: 40th year 19th century - 40th year 20th centuries]. Moscow. [in Russian]

Lyarskij, 2010 – *Lyarskij, A.B.* (2010). Samoubijstva uchashchihsya kak fenomen sistemy socializacii v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov [Schoolchild suicides as a phenomenon of the socialization system in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries]. St. Petersburg. [in Russian]

Lyarskij, 2017 – *Lyarskij, A.B.* (2017). «Prostitute, dorogie papa i mama»: roditeli, deti i bor'ba s podrostkovymi samoubijstvami v Rossii konca XIX – nachala XX veka ["Sorry, dear dad and mom": parents, children and the fight against teenage suicide in Russia of the late 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg. [in Russian]

Matvievskaya, 2013 – *Matvievskaya, G.P.* (2013). Orenburgskij vol'nyj universitet nachala XX veka [Orenburg Free University of the 20th century] *Istoriya matematicheskogo obrazovaniya v Rossii XVIII-XX vv.*: Sbornik nauchnyh statej i ocherkov. Orenburg. Pp. 114-121. [in Russian]

Mestnaya hronika, 1907b – Mestnaya hronika [Local chronicle]. *Uchitel'skij vestnik*. 1907. Nr. 3. December, p. 31. [in Russian]

Mestnaya hronika, 1907a – Mestnaya hronika [Local chronicle]. *Uchitel'skij vestnik*. 1907. Nr. 2. November, p. 32. [in Russian]

Mestnaya hronika, 1910 – Mestnaya hronika. Samoubijstvo gimnazista [Local chronicle. Suicide of a high school student]. *Orenburgskaya gazeta*. 1910. Nr. 14, p. 2. [in Russian]

Najdenov, 1902 – *Najdenov, S.A.* (1902). Deti Vanyushina; Drama v chetyrekh dejstviyah [Vanyushin's Children; Drama in four acts]. Moscow. [in Russian]

OGA00 – Ob"edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [The United State Archive of the Orenburg region].

Ostroumov, 1980 – *Ostroumov, S.S.* (1980). Prestupnost' i eyo prichiny v dorevolucionnoj Rossii [Crime and its causes in pre-revolutionary Russia]. Moscow. [in Russian]

Prepodavanie..., 2017 – Prepodavanie drevnih yazykov v Imperatorskoj Nikolaevskoj Carskosel'skoj gimnazii [Teaching of ancient languages at the Imperial Nikolaevskaya Gymnasium in Tsarskoye Selo]. Ed. T.Yu. Brovkina. 2017. [Electronic resource]. URL: <https://www.litres.ru/book/raznoe-4340152/prepodavanie-drevnih-yazykov-v-imperatorskoj-nikolaevskoj-c-22202117/chitat-onlayn/> [in Russian]

Proisshestiya..., 1891 – Proisshestiya (iz dnevnika policii) [Incidents (from the police diary)]. *Listok ob"yavlenij*. Prilozhenie k gazete «Orenburgskij listok». 1891. 46: 1. [in Russian]

Puhov, 2022 – *Puhov, D.Yu.* (2022). Deviantnoe povedenie nesovershennoletnih v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka v osveshchenii postsovetskoj istoriografii [Deviant behavior of minors in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries in the coverage of post-Soviet historiography]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya*. 2(57): 123-132. [in Russian]

Sinova, 2013 – *Sinova, I.V.* (2013). Gendernyj analiz deviantnogo povedeniya podrostkov na rubezhe XIX–XX vekov [Gender analysis of deviant behavior of adolescents at the turn of the 19th - 20th centuries]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 3: 116-125. [in Russian]

Sinova, 2014 – *Sinova, I.V.* (2014). Sovremennyj vzglyad na detskie suicidy v Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vekov [A modern view of child suicides in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Suicidologiya*. 5. 1(14): 63-71. [in Russian]

Sinova, 2019 – *Sinova, I.V.* (2019). Pravovoe polozhenie, trud i povsednevnyaya zhizn' detej vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Legal status, work and daily life of children in the second half of the 19th - early 20th centuries]. Moscow. [in Russian]

Tarnavskij, 1892 – *Tarnavskij, A.* (1892) Iz-za orenburgskih detej (pis'mo k redaktoru). Pis'mo vtoroe [Because of the Orenburg children (letter to the editor). The second letter]. *Orenburgskij listok*. 41: 2-3. [in Russian]

Teplouhov, 2011 – *Teplouhov, K.N.* (2011). Sem'ya i vremya peremen. Vek XIX-XX. Memuary: 1899-1934 [Family and time for change. The 19th - 20th centuries]. *Memoirs:1899-1934*. Moscow. [in Russian]

Veremenko, 2022 – *Veremenko, V.A.* (2022). «V zdorovom tele - zdorovyj um»: fizicheskoe vospitanie i sport v stolichnoj dvoryansko-intelligentskoj srede Rossii vo vtoroj polovine XIX - nachale XX v. ["In a healthy body - a healthy mind": physical education and sports in the metropolitan noble and intellectual environment of Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. *Istoriya povsednevnosti*. 3(23): 82-102. [in Russian]

Zhuk, 1906 – *Zhuk, V.N.* (1906). Mat' i ditya: Gigiena v obshchedostupnom izlozhenii [Mother and child: Hygiene in the public domain]. St. Petersburg. [in Russian]

Подростковые самоубийства в Оренбургской мужской гимназии в конце XIX – начале XX вв. Феномен детских девиаций в восприятии общественности, семьи и школы

Елена Вадимовна Бурлуцкая ^{a, *}, Екатерина Николаевна Абдрахманова ^a

^a Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ida777@yandex.ru (Е.В. Бурлуцкая), eknikol@ya.ru (Е.Н. Абдрахманова)

Аннотация. В работе рассматривается проблема осмысления российским пореформенным обществом, семьей и школой подростковых самоубийств, число которых стало быстро расти на рубеже XIX–XX вв. Феномен такого крайнего проявления детского девиантного поведения изучается на материалах Оренбурга, отдаленного от столиц провинциального губернского центра. В качестве примеров исследуются самоубийства учащихся Оренбургской мужской гимназии – одного из лучших средних учебных заведений региона. Источниковая база исследования опирается на документы, сосредоточенные в Объединенном государственном архиве Оренбургской области, а также на материалы оренбургской прессы.

Анализ имеющихся источников позволяет констатировать растерянность общества, семьи и школы пореформенной эпохи перед детскими суицидами. Их мотивы связывались с недостатками существующей школьной системы, общественными пороками, кризисом семейных отношений, а также с индивидуальными психологическими особенностями детей. Преднамеренный уход из жизни детей и подростков воспринимался как нарушение нормального хода жизни, проявление неустойчивости социума и угроза предсказуемому и устойчивому будущему.

Микроистории детей, зафиксированные в делах о самоубийствах, позволяют утверждать, что трагические ситуации чаще всего оказывались результатом недостаточного родительского внимания к детским проблемам или его полного отсутствия. Кроме того, взрослые (как родители, так и школьная администрация) были абсолютно убеждены в том, что «нормальный» ребенок представляет собой податливый материал, из которого можно с помощью нотаций и дисциплинарных взысканий легко «слепить» будущего полноценного члена общества. Детям было отказано в естественном переживании психологических кризисов и личностных проблем по причине их несущественности или ирреальности.

Ключевые слова: дети, подростки, повседневность, самоубийства, школа, семья, Оренбургская мужская гимназия, рубеж XIX–XX веков.